

Андрей Илькив

Во Вселенной идет дождь

Эрика знает, о чем ты думаешь, Фидель

Здравствуй, Фидель!

Думаю, ты не обидишься, если я сделаю это письмо открытым для мира. Таким образом, неизбежный соблазн приукрасить или исказить наши с тобой отношения будет не так дерзок.

Кроме того, я сознательно облакаю свое послание в одежды литературного рассказа – пусть скептики спят спокойно, убаюканные художественным вымыслом, в котором настоящим является лишь твой портрет, выполненный маслом на дереве мужем моей дочери. Или – не только портрет.

* * *

Не знаю, что напишет завтра «Нью-Йорк Таймс» и напишет ли что-нибудь вообще о том, что я вкратце тебе расскажу. Будет как будет. Но я совсем не поверил тем двум крепким парням, говорившим недавно со мной о тебе, будто они работают корреспондентами известной во всем мире газеты.

Заокеанские гости по телефону попросили о встрече со мной. И встреча состоялась три недели назад в одном из львовских кафе в сопровождении еще одного молодого человека, который представился сотрудником Службы безопасности Украины и переводчиком.

Интервью касалось тебя и твоего портрета, Фидель, написанного Виктором, мужем моей дочери, и подаренного тебе на день рождения год назад. Мы все очень рады, что тебе понравился

портрет. Двумя словами коснулись также иска о защите авторских прав на фотографию с твоим изображением. Иск подан в Высокий суд Лондона. Фотограф нанял какую-то тамошнюю солидную адвокатскую контору, никогда не проигрывавшую дел, и требует с нас с Виктором сотни тысяч фунтов стерлингов за пиратское, как он говорит, использование его фотографии для написания портрета. Об этом деле уже почти год с небольшими перерывами на сиесту пишут, кажется, все мировые газеты, даже те, которые уже давно закрылись. Но мы это переживем. Не страшно уже.

* * *

– Кому, когда и каким образом пришла в голову идея написать, а затем подарить портрет кубинскому лидеру Фиделю Кастро в день его рождения? – после взаимных реплик вежливости спросил меня один из американцев.

Я ответил прямо:

– Это было моей давней мечтой.

– Мечтой? – кривая улыбка замерла на лице украинского агента. – Довольно-таки странные у вас мечты.

– Мечты – разные, как люди. Не у всех они из-под ксерокса. Я же хотел лично поблагодарить Фиделя Кастро за то, что он, его страна уже несколько десятков лет лечат простых украинских детей – невинных жертв Чернобыльской термоядерной катастрофы. Тихо лечат и не трубят на весь мир о благотворительности Кубы.

– Но речь идет о лидере государства, и такого рода действия – это, скорее всего, сфера межгосударственных отношений Украины и Кубы, работа правительств и ответственных чиновников, – присоединился к разговору второй американец.

Как не хотелось мне говорить о политике, но я все же выдал из себя несколько предложений:

– Со дня провозглашения независимости Украины – согласитесь, не завоеванной путем революции или восстания народа (что имело место на Кубе), а подаренной, не в последнюю очередь самими американцами, – все без исключения украинские правительства занимаются только бизнесом. Частным бизнесом,

господа. Насколько этот бизнес честный, вы знаете лучше меня, в американских тюрьмах легко можно встретить не одного украинского премьера или политика. Одним словом: украинская власть – одиозна, это собака, которая берет с разных рук пищу, а потом норовит укусить те же руки. Власти не до благодарностей или других сантиментов, государственная служба в Украине, не буду говорить о других станах, – это обыкновенный бизнес, товар – суверенитет оптом и в розницу.

Переводя мои слова, агент Службы безопасности Украины не сумел скрыть ехидства на своем лице.

– Не обижайтесь, господа, – продолжил я спокойно. – Увы. Это все так.

Почувствовав опасное отвлечение разговора, второй из американцев вернул его в первоначальное русло необычным вопросом:

– И при каких обстоятельствах Фидель Кастро Рус позировал вам для написания своего портрета? Он приезжал в Украину или ваш Виктор побывал на Кубе?

– Интересная шутка, господа журналисты. Позировала фотография старого кубинца, которую мы с Виктором свободно отыскивали в Интернете. Фотоснимок не сопровождался никакими предупреждениями или запретами на использование. С него и был написан портрет в нашей скромной квартире.

– Все понятно... Что вы еще можете нам сообщить? – спросил меня первый американец, снял черные очки и попытался про сверлить меня своими глазами.

Трудно было не отвести взгляд. Он уперся в кость.

– Даже не знаю, что еще вам сказать, господа, кроме того, что я убежден: нельзя приватизировать, запатентовать выражение лица, эмоции, позу любого человека, даже президента вашей страны. Как бы фотограф и его адвокаты ни пытались доказать обратное.

– Хорошо. Спасибо, – белозубая голливудская улыбка не могла скрыть разочарования на лицах американцев. – До свидания. Да, еще одно. Теперь вам уже нечего бояться судебного иска. Хотя, если честно сказать, подаренный вами Фиделю Кастро портрет слишком похож на фотографию, сделанную несколько лет назад.

Не дождавшись моей ответной реакции, интервьюеры сухо откланялись. Почему не нужно бояться денежных притязаний фотографа, я тогда так и не понял. А спросить? Не смог. Хорошее, безусловно, известие отняло у меня речь и пригвоздило к стулу.

* * *

Вечером того же дня у дочери начались предродовые схватки. Ко мне вернулась речь. А это «еще одно», прозвучавшее на встрече с американцами, осталось без правдоподобного объяснения еще целую неделю, в течение которой вся моя семья переживала рождение новой Вселенной – крошечной девочки.

Когда новая Вселенная родилась, а большое семейство собралось за праздничным столом, гости наперебой стали рассказывать об удивительно одинаковых событиях, синхронно произошедших с ними накануне.

Оказалось, что незадолго до крестин каждого моего родственника, родственника мужа моей дочери дома или на работе навестили агенты Службы безопасности Украины. Демонстрируя фотографии бородатого старика, похожего на тебя, Фидель, и не называя твоего имени, агенты спецслужбы спрашивали, присутствовал ли такой человек на свадьбе моей дочери почти два года назад.

И произошло чудо, Фидель. Настоящее. Половина моей семьи и семьи сватов уверенно подтвердила преемникам советского КГБ, что похожий на Фиделя Кастро человек действительно был на свадьбе, несмотря на то, что он тем же самым чудом не попал ни на одну свадебную фотографию. Спина. Седые волосы. Вид сзади. Это все, что увидели агенты безопасности в свадебных альбомах.

Старик сидел вместе со всеми за одним длинным столом, пил вино, танцевал и делал все остальное, что люди обычно делают на свадьбе, которая в нашем случае лихо гуляла всю ночь в небольшом кафе крохотного чудом уцелевшего на карте мира прикарпатского городка. Правда, кем в действительности был этот человек, никто сказать не мог. Люди стеснялись спрашивать об этом у самого пожилого человека или друг друга; гости со стороны жениха полагали, что это какой-то дальний родствен-

ник невесты, и наоборот – семья невесты была уверена, что дед приехал с женихом.

Спор о том, был ли среди свадебных гостей старый бородач, похожий на Фиделя Кастро, продолжился и на крестинах, на которых было выпито вина и водки не меньше, чем на свадьбе.

Не удивляйся, Фидель, ты же знаешь, что мировые средства массовой информации на протяжении многих десятилетий сделали твое лицо, в отличие от твоих идей, узнаваемым в любом уголке планеты, даже в нашем забытом Богом городишке.

После крестин я наконец добрался до Интернета и без труда нашел необходимую информацию, приятно шокировавшую меня и Виктора. А несколько российских информационных сайтов с нескрываемым удовольствием смаковали очевидный прокол в работе западных спецслужб, комментируя твое недавнее интервью испанской газете «El Mundo». Тогда я понял, откуда в кафе старого Львова взяли последние слова американца о конце страха и прекращении дела.

Ты открыто сказал миру, что по примеру английской королевы, которая время от времени милостиво принимает приглашения простых людей и посещает их семейные торжества, ты, Фидель, почти два года назад любезно откликнулся на мое приглашение побывать на свадьбе моей дочери, дважды пересек Атлантику и инкогнито посетил Украину. Пограничники и таможенники разных стран свободно пропускали тебя через границы, лишь с удивлением приговаривая, как похож этот старик на Фиделя Кастро, и продолжали свою работу. Никто не мог себе даже представить, что в бесконечном потоке обычных пассажиров появится настоящий Фидель Кастро. Ты сказал также, Фидель, что в один из моментов свадьбы муж моей дочери Виктор, художник, с твоего разрешения сделал карандашный набросок твоего портрета. Вот и все, иску – конец.

Несколько твоих слов, Фидель, хватило, чтобы сделать перспективным иск несомненно талантливого фотографа, а лондонская адвокатская контора впервые за столетнюю практику проиграла дело, едва начав его.

Спасибо тебе, Фидель.

Пусть услышит твои желания тот, кто знает их раньше тебя.

Еще хочу тебе сказать, как мы назвали твой портрет. «Руки Конфуция на лице Фиделя». Глядя на таинственный китайский иероглиф, сложенный твоими руками на задумчивом лице, назвать картину как-то иначе было невозможно.

Надеюсь, наш портрет поможет тебе счастливо пережить 639-е, но самое коварное и опасное покушение, имя которому – гламур.

Про то, как тебе удалось незаметно для спецслужб всех стран осуществить перемещение в пространстве и времени, никто и никогда не узнает наверняка.

Но о том, что ты думаешь, Фиделю, сложив руки на своем задумчивом лице, наверняка знает моя внучка, которую в минувшее воскресенье окрестили именем Эрика.

Р. С. О чем ты думаешь, Фидель, формой сложенных тобой пальцев на портрете весьма серьезно заинтересовались жители Поднебесной. После телефонного звонка ко мне из китайского посольства с просьбой рассказать об обстоятельствах написания и названия твоего портрета у меня сложилось впечатление, что ханьский язык вскоре обогатится еще одним иероглифом – «То, о чем думает Фидель».

Можешь падать

– Господи! Царский подарок! – над мусорным контейнером оказалась лохматая голова старого бродяги. Счастливая детская улыбка добавила тысячу мелких складок на его пергаментном лице. В руках он держал черные ботинки со стоптанными каблуками. Внимательно осмотрев находку со всех сторон, нищий остался доволен. – Совсем новые. Подошвы целы, шнурков нет – ерунда.

Присев рядом на асфальт, бродяга снял с ног когда-то желтого цвета сандалии и аккуратно положил их в пакет, который сберег внизу лишь небольшую надпись «Наш Президент». Имя главы государства и его лик были стерты и изуродованы до неузнаваемости руками не одного носильщика.

Старик надел ботинки на босые грязные ноги, легко отыскал в бездонных карманах своей старой офицерской шинели какие-то веревочки и завязал их вместо шнурков. Затем он поднялся и, еле дыша, несколько метров прошелся для пробы. Присел. Встал.

– Теперь можешь падать... Снег... Иди.

И он пошел.

Снег.

Миллионами миллионов малюсеньких белых-белых мотыльков.

Бродяга удалился прочь, стараясь вспомнить мотив детской рождественской песни.

– Спасибо тебе, Дедушка Мороз, – прошептала вслед бездомному нищему одна маленькая девочка, игравшая невдалеке и невольно заставшая таинство рождения снега.

Викунья

Фрагмент романа «Во Вселенной идет дождь»

Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят...

Св. Евангелие от Матфея 2:1

– Что нового?

– Ничего... живого.

– ...Игровое кино.

– Да... На бумаге тоже. Старые пьесы... Новые декорации.

Двое бродяг встречали утро на бетонной лавке рядом с остывшим за ночь храмом, покорно ждущим сентябрьского солнца. Солнце встало давно и с трудом выбиралось из-под лабиринта высоких столичных улиц. Тени нехотя покидали брусчатую площадь, хватаясь за каждый ее камешек. Мучимый бессонницей старый парк будил птиц.

– И новые актеры.

– Да. Актеры... За двадцать лет независимости нас стало на десять миллионов меньше... Вот еще: жена продолжает поиски пропавшего мужа-банкира, – седой бродяга улыбался прилетевшему из парка молодому ветерку, который дурачился со стариком, поочередно загибая то верх, то низ большой газеты.

– Знаю. Слышал. Десять миллионов плюс один банкир. Третий или какой-то там по счету год не может успокоиться, – зевнул бродяга помоложе, не отрывая пустых глаз от кота. Серый комок сунул голову в консервную банку и с грохотом таскал ее вокруг лавки, вылизывая остатки корма. – Бедняжка. И вознаграждение растет?

– Растет. Один, два... пять нулей после единицы за любую полезную информацию.

– Солидная сумма. Если это не любовь, то за такие деньги легко можно нового мужа приобрести, хоть заграничного, как в кино. И не одного.

– Оставим заграничное кино. Будем думать, что женщине не жалко отдать большие деньги ради любимого человека.

– Кто против? Будем думать и так. Но что-то очень много денег. Это настораживает. Как среди них сумела выжить любовь? Удивительно... А вероятнее всего, этот кинофильм совсем не про любовь, а сто тысяч жертвуется ради ста миллионов талеров или золота на сто миллионов, которые пропавший банкир не доверил жене и не рискнул держать в своем или чужом банке. Вот какая интересная штука получается, бродяга. Банкиры первыми и не верят своим банкам, по старинке закапывают или замуровывают.

– Все может быть, – заключил старик, аккуратно сложил газету и положил возле себя. – Но пусть будет любовь.

– Пусть будет любовь, – согласился молодой бродяга, взял газету, скомкал ее в мячик и ловко по высокой траектории забросил в мусорную урну недалеко от скамейки. – Три очка. И черт с ними, с банками. И с газетами.

До блеска вылизав банку изнутри и с внешней стороны, кот запрыгнул на колени старику и начал умываться обеими лапками.

– Видел бы итальянец, что мы сделали с его брюками, бешеных денег стоящими, и что бы он нам сказал? – бродяга ласково почесал кота за ушками. Оборванные нити густо торчали

на обеих штанинах, кот по-хозяйски на них не только спал большую часть своей жизни, но и время от времени точил когти. – Дай Бог памяти, как его зовут?.. А-а-а. Бриони.

– Что?.. Ты хочешь сказать, что эта забывшая свой первозданный цвет грязь – штаны от Бриони?

– Да... По крайней мере так сказал банкир. По всей видимости, это его ищет жена.

– Интересно... Очень интересно, – улыбка едва поместилась в глазах заспанной молодости. – А ну, давай пиши явку с повинной, откуда у тебя штаны новых богов.

– Бог и принес мне их. Помнишь того большого пса, дружок? Помнишь... Спи. Спи, – старик прикрыл полой плаща уснувшего на коленях сытого и умытого кота. – Он спас меня и тебя, великий слепой.

* * *

– Тебе жалко спасти меня?

– Боже сохрани. Что вы такое говорите, молодой человек? – недоуменно пожал плечами бродяга. – Я... Я подобрал эти брюки, свитер, вообще всю одежду на улице, возле мусорных баков или еще где-то, не помню. Богатые горожане выбросили их за ненадобностью.

– Вот и отлично! Мне такое барахло и нужно. Я дарю тебе свою одежду, клошар. Итальянский дизайнер Бриони. Бешеных денег стоит костюм. В нем ты обязательно победишь на конкурсе «Мистер мусорная свалка», не знаю, проводятся ли у вас, бродяг, такие праздники, – захопал в ладоши человек, назвавший себя банкиром. Рядом с блеском его зубов поблекли церковные купола.

– Проводятся... «Конкурсы нищеты» называются, – в тон ответил бродяга собеседнику, внешний глянец которого и зубы резко контрастировали с едким запахом дешевого спирта изо рта. – Под эгидой правительства.

– Или президента! Лично. Ты шутишь, бродяга? Это – роскошь в твоем положении. Хотя что тебе остается делать под голым небом, как не шиковать. Я вот тоже решил пошутить. Немного. У меня сегодня день рождения.

Бом! Бом! Бом!

В паузе между колоколами, зовущими столицу к утренней мессе, бродяга поблагодарил именинника:

– Будьте счастливы.

Бом! Бом! Бом!

– По ком звонит? По ком? По ком? Бом! Бом!!! – смеясь, передразнил колокола банкир. – Рядом с тобой, клошар, я заговорил стихами. Вон оно как. Литература. Помню. А звонят в честь моего дня рождения! Молодцы, колокола!.. Ты что-то сказал?

– Я пожелал вам счастья.

– Ах, да!.. Не стоило, я счастлив давно... Хотя нет. Давай свое счастье, мне нужны твои лохмотья юродивого.

– Юродство – это не лохмотья.

– Ладно, старик, ты мне нравишься. Поделюсь с тобой секретом. Даже эти не знают, – молодой человек обернулся назад и взмахом руки приказал двум охранникам отойти подальше. Кентавры послушно попятились назад к краю площади и встали возле длиннущего белоснежного лимузина, в затемненных окнах которого преломилась церковь с крестами.

Почти метровая гора густой черной шерсти у ног банкира громко зевнула, едва не втянув в себя кота, больно вросшего когтями в колени бродяги. Бродяга тщетно пытался впиться ногтями в бетонную лавку.

– Ой, извини. Я не представил тебе своего друга. Это – Гуру. Поздоровайся, мой мальчик, с нищим. Он похож на людей твоей родины, – банкиру было весело. – Гуру – тибетский мастиф.

Гуру медленно нехотя поднял высоко над брусчаткой переднюю правую лапу, затем столь же величественно опустил ее, увидев одобрителное покачивание головы своего хозяина.

– Похож, не спорю. Нищего тибетца тяжело отличить от европейского клошара, – пряча страх перед мелькнувшими клыками, храбрился бродяга. «И банкиры везде одинаковы. Как кто? Не знаю. Близнецы. Нет такого народа». – Давно подмечено, что лицо обретает черты судьбы.

– Теперь и я не спорю. Слушай, старик, что я задумал, не судьбы, а шутки ради. Переодевшись в бродягу, – в дополнение к твоему наряду у меня уже есть накладная борода в половину лица,

толстые очки, новая шляпа с большими полями, истоптанная в грязи, – я полдня буду просить у порога своего банка милостыню, затем заявлюсь в банк и повергну всех в шок, потребовав открытия депозитного счета. Конца не знаю, еще чего-нибудь придумаю по ходу дела, пофилософствую в твоём стиле, покуда меня узнают. Вот такая идея, – закрыв на мгновение глаза, банкир остановил рассказ и почесал пальцем нос.

– Это ваша идея. Не мне её судить, конца не знает никто. Но для её осуществления вам не стоит терять дорогой костюм. Вполне было бы можно купить поношенную одежду, бросить её в грязь, как шляпу, и...

– И. И. Что «и»? И где я куплю бродяжий дух, каким пропитано твоё тряпье? Двух стаканов дешевой водки, выпитых перед встречей с тобой, да и целой бутылки – недостаточно, чтобы пахнуть мусорной свалкой и нищетой, – банкир потрепал своего пса за шею. – Все нормально, старик. Не жалко мне костюма. Надоела расцветка. Я заказал себе новый ко дню рождения. На следующей неделе придет подарок. Чешется нос. Чует кулак или коньяк?

– Что я могу сказать?

– Ничего не говори. Я скажу. Нос чует «Хенnessи». Будет «Хенnessи». Захотелось мне, брат, чего-то необычного, щекочущего нервы. Банкир-бродяга. Если и были такие фильмы, то все равно – это лишь кино. Я продаю фокусы с переодеванием наяву. Весело будет, не правда ли?

– Может быть, и весело.

– Никаких «может быть»! Все будет отлично. Газеты напишут, телевидение покажет. Я уже вижу прыгающие в глаза большие буквы заглавий: «Банкир просит подаяния у дверей собственного банка». Отличная реклама, все нищие понесут в банк собранные подаяния. Я смеюсь. Подарим столице мой день рождения, бродяга?

– Подарим.

– Тогда – вперед. Я отпускаю машину, охрану, мы с тобой идем в этот парк и меняемся одеждами. Хорошо?

– Как скажете... Но будет ли это хорошо? – бродяга оторвал пальцы от лавки и погладил своего кота. – Вы должны знать, что, надевая чужую одежду, можно невольно примерить чужую судьбу.

– Перестань, старик, – отвращение скомкало улыбку банкира. – Свою судьбу я творю сам. Давным-давно. Независимо от одежды.

– Откуда такая уверенность, молодой человек?

– От денег, дорогой. Откуда еще? Открой глаза, посмотри вокруг. Даже там на них молятся. Кресты за тысячи лет стали золотыми, – банкир небрежно кинул рукой в сторону храма. – Не думаю, что ты этого не знаешь. Забудь свою философию. Или отдай своему коту. Откуда у тебя такие мысли?

– От шмотья, что на мне.

– Вот и отлично. В нем я побуду немного философом. Ты не против? А куда ты денешься? Ура! Ура! Ура! И, кажется, я уже заговорил твоим языком, – в детство кинуло богача. – Сейчас я тебя разобью, твою логику-бочку, Диоген без бочки. Ответь мне: сделает ли тебя миллионером мой Бриони, и останусь ли я в твоих обносках нищим на всю жизнь? Ну!.. Молчишь?.. Можешь и не отвечать. Ответ понятен даже твоему коту.

– Судьба – это не деньги, – бродяга опустил голову на грудь.

– Может быть, ты и прав: судьба – и не деньги. Ха-ха-ха. Следи за моими словами, старик, как я становлюсь мудрее на глазах. Слушай: деньги делают судьбу. Не так ли?

– Так. Делают. Но лишь судьбу того, кто молится на деньги. Кто за что молится, – старик кинул взгляд в небо.

– А за что молишься ты, живущий хуже кота? – брезгливость мелькнула в глазах богача.

– За кота. Он очень стар и слеп от рождения. Чтобы он долго жил, не болел.

– Чудак... Все вы, бродяги, какие-то не такие, как нормальные люди. Ладно. Я тоже помолюсь за твоего кота в твоём тряпье. Потом, если не забуду. А теперь закрываем дебаты. Пошли меняться одеждами – или судьбами, как ты говоришь, – заторопился банкир.

– Идем, – ответил бродяга, вопросительно посмотрев на собаку и ее хозяина.

Богач повернулся лицом к охранникам:

– Эй, ребята! Спите там, что ли?! Посадите Гуру в машину, уезжайте и ждите меня в банке. Я хочу пройтись. Один. И принесите мою сумку... Что?.. Один, я сказал! Они точно спят стоя.

Не дожидаясь команды, Гуру поднялся, низко понурил голову и поплелся к автомобилю. Банкир оторопел.

* * *

– Как думаешь, старик, пес что-то почувствовал?

– Наверное.

– Точно почувствовал... Может быть, даже за день, за два до того. До разлуки.

– Не знаю... Больше банкир ничего не говорил, и я не спрашивал. Пнул ногой кота и ушел, не прощаясь. Протянул машинально руку, замер и резко убрал. Повисла моя рука, а банкира, видать, придавила моя одежда, что-то пошло не так в его голове... Гордость не позволила дать задний ход. А полицейские, в тот день сгонявшие нищих попрошаек из-под храма, вежливо отдали мне честь, несмотря на мою растрепанную бороду и рваную обувь. Не подошли мне его туфли, маленькие, – горько улыбнулся старик и невольно погладил давно забывший бритву подбородок. – Правда, кот?.. Правда.

– Правда, – повторил молодой бродяга, покачивая головой. – Интересная история. Но она не закончилась отданием чести Бриони, ты знаешь?

– Да. Не закончилась. Я знаю, – пожелтевшие зубы человека с котом на коленях были еще довольно остры. Из прокушенной нижней губы показалась кровь. – Упокой, Господи, их души... Это была мученическая смерть первых христиан.

– А Колизеем стала загородная мусорная свалка. Пепел целую неделю кружил-порхал над столицей. Их было – тысячи бродяг, согнанных полицией и добропорядочными гражданами с улиц, площадей и вокзалов за городскую черту и сожженных в крематории под открытым небом. У них не было итальянских штанов. Я там был, старик. Служил. Слепой. Слепее, чем твой кот. Вытаскивал несчастных из подъездов, чердаков и подвалов. Снятся они мне. Я слезы выплакал вперед на все кошачьи жизни.

Солнце, вконец утомленное, выпуталось из одного лабиринта улиц, но сразу попало в другой. Серебряный диск закатился и заблудился в скомканных одеялах серых туч. Ветер тщетно

пытался разорвать хотя бы одно из них и освободить солнце. Солнце сдалось, не было сил.

– Потом будет долгое расследование. Даже парламент создаст специальную следственную комиссию. Ну и что? Вердикт известен: бродяги напились, сами подожгли мусорную свалку и сгорели заживо. Аминь, – тяжело вздохнул молодой бродяга.

– Это – кино.

– Конечно, это – неправда. А знаешь, как, и главное – с какой целью, писался сценарий к этому фильму?

– Откуда мне знать? Разное говорили уцелевшие бродяги: что столица очищалась от нищих, готовясь к какому-то спортивному чемпионату, приезду важных гостей, даже самого папы римского, что бродяги заразились какой-то опасной неизлечимой инфекцией, что...

– Бред это все. Папа римский. Инфекция. Тибетский лама, – перебил старика молодой бродяга. – Мне мой банщик рассказывал, давно, не помню когда. Он все знает. Клялся, что правда, ему по большому секрету поведал другой банщик, который лично слышал от третьего, в общем – проговорился президентский банщик, и пошла волна. Как я понимаю, черные дела вершатся в белых тогах-простынях. Ладно. Опускаем таинство голых тел. Слушай. Однажды крепкую попойку устроил наш президент после бани со своей свитой – ни для кого не секрет, что любит наш владыка после бани побаловаться водкой и девочками. Так вот. Еще до девочек какой-то посол – видишь, чуть не забыл, дипломат с ними был заграничный, важная персона, – взял и ляпнул свысока, ломая язык об наши слова, что все империи, как и браки, рождаются на небесах, и смертным людям они неподвластны... Иммунитет у него, может говорить и делать что хочет. Понимаешь, старик?

– Слышал такое слово, но мне незачем это понимать.

– И не понимай. Так вот. Все было бы ничего, если бы на той фразе все и закончилось. Но посол очень быстро и сильно поплыл после нескольких рюмок, разошелся и начал шутить. Жестоко по отношению к нашему гаранту. Ну как шутить? Сказал, что по воле небес почившая недавно империя запросто может возродиться в любой момент, дух ее где-то теплится. А вернется империя – не быть, говорит, тогда нашему государству, и президенту

не быть со всеми демократическими игрушками. Империя опять на наших землях посадит наместника, даст ему инвентарную машину, дом с посудой и мебелью, жену, любовницу с биркой, если одной жены мало. Одним словом, станет все, как было раньше, до независимости, а старых, то есть нынешних небожителей, опустит на землю, посадит в тюрьму и опять опустит. Извини за вульгарность. Богатства, нажитые чиновниками и олигархами за двадцать лет независимости, словно после двухсотлетней колонизации Америки, за одни сутки будут национализированы.

Небожители едва не набили морду послу, президент вовремя уберег своих обиженных вассалов от расправы над обнаглевшим представителем ядерной страны. Остановил их и задумался. Банщик же президентский был там между ними, прислуживал за столом. Хмельной, как и все. Чтобы как-то охладить накалившийся воздух, старый проверенный банщик вдруг по простоте своей заявил, что дух империи давно выветрился. Ни с того ни с сего. Ляпнул старик.

– Дух, вы сказали? Я не расслышал хорошо.

– Да, дух. Не я, банщик сказал. Идем за ним дальше. Если и сохранился еще тот имперский дух, то лишь самая малость его, в каком-то одном хилом сердце нищего бездомного бродяги, помнящего былые времена, каких много в столице. Скоро сам помрет на улице, собаки разнесут кости. «А кто он и когда помрет?» – спросил банщика президент. «Не знаю», – ответил протрезвевший банщик. А президент продолжил: «Ты не знаешь. Никто не знает. А я – должен знать». Вот они, ключевые слова: «Дух империи спрятался в сердце бродяги». Закончилась баня. Без девочек. Разъехались все по домам или в бордели. Морду послу пощадил, чести он не потерял, но туфель своих из крокодильей кожи не нашел, в тапочках сел в лимузин, обещал международный скандал, если наш президент не вернет ему обувь.

Ветер устал, успокоился. По церковной площади ходили люди, волоча за собой размытые тени, о чем-то говорили. Взлетали и садились голуби. Рядом по улице медленно проезжали автомобили. Старый парк не мог сдержать обыденный Вавилон звуков большой столицы, в котором все же отыскалась тишина. Казалось, она только что пришла с пепелища загородной свалки, покрытой

тысячами углей человеческих тел. Тишина незаметно присела на скамейку между двух бродяг, и ее не потревожил негромкий немного монотонный тысячетелный голос седого старика.

– Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов. Тогда сбылось изреченное через пророка Иеремию: глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет*.

Оборванную нить библейского рассказа с кривой ухмылкой подхватил молодой бродяга:

– Тогда президент увидел себя осмеянным банщиком, послом и своей камарильей, весьма разгневался и послал избить всех взрослых бродяг в столице и банкиров, переодетых в нищих попрошаек. Плач, рыдание и вопль великий осиротевших детей, которых приказал не трогать президент, грозя пальцем небу: «Что я, Ирод какой-нибудь?».

Все. Кончился рассказ. Неизвестно, как долго сидел квартет – двое бродяг, тишина и кот – на скамейке у храма, время обходило их стороной, пока старик не нарушил молчание.

– Нет. Рахиль плачет о детях своих. Все убиенные становятся детьми.

Дзи-и-и-и-нь!!!

Аж вздрогнули сидельцы. Не прощаясь, в городском шуме растворилась тишина. Монетка звонко ударилась о дно банки, вылизанной котом.

– Держите у ног свою банку. Валяется где попало. Вы бы еще на папёрть ее поставили прямо возле священника, а сами здесь прохладжались, лодыри. Шли бы лучше работать, тунеядцы, – подав милостыню, брезгливо рассыпалась на колкие слова сухощавая старушка, плащ которой, если не она сама, помнил начало прошлого века, собралась обратно в комок и направилась к церкви.

– Рахиль, – улыбнулся молодой бродяга вслед женщине.

– Не нужно так шутить, – глубоко вздохнул старший товарищ.

– Да. Не нужно. Банкир дошутился. Куда он мог еще пропасть на три года, и вообще, все о том говорит, навсегда? Видать,

* Св. Евангелие от Матфея 2:16-18.

не успел показать документы, если они были при нем. Да что документы? Накладную бороду не успел снять. Получил дубинкой по голове – и на свалку. На конкурс банкиров-бродяг. Победил, сто процентов... И сгорел. Вот она, прихоть случая.

– Нет. Это – случай прихоти. Пусть покоится с Богом, если он пошел к Нему.

– Пусть все покоится с Богом... А ты не пробовал связаться с женой банкира, рассказать о встрече с ее мужем и все такое, успокоилась бы вдова?

– Я не решился. Не спрашивай, почему. Не знаю.

– А куда ты, старый бродяга, подевал пиджак, остальную одежду банкира, не только штаны он тебе оставил? Это ты должен знать.

– Взял кто-то ночью у меня. Еще тогда, пару лет назад. Брюки на мне были.

– Украл Бриони. А знаешь, старик, почему он так дорого стоит?

– Нет.

– Кроме кашемира и рекламной шелухи в ткани костюма есть шерсть викуньи. В Южной Америке водится, высоко в горах. На ламу похожа. Или лама на викунью.

– Викунья...

Новый Роздол

